

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Джеймс Хэдли
Чейз

ТЫ БУДЕШЬ
ОДИНОК
В СВОЕЙ МОГИЛЕ

«ИНОСТРАНКА»

Вик Маллой

Джеймс Чейз

Ты будешь одинок в своей могиле

«Азбука-Аттикус»

1949

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Ты будешь одинок в своей могиле / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1949 — (Вик Маллой)

ISBN 978-5-389-19285-0

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом-распространителем книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «...Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» За полвека писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы. В настоящем издании публикуется роман о частном детективе Вике Маллоу, созданный Чейзом в 1949 г. Текст печатается в новом переводе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19285-0

© Чейз Д. Х., 1949
© Азбука-Аттикус, 1949

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джеймс Хэдли Чейз

Ты будешь одинок в своей могиле

James Hadley Chase

YOU'RE LONELY WHEN YOU'RE DEAD

Copyright © Hervey Raymond, 1949

All rights reserved

© А. Д. Степанов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

Глава первая

1

В середине марта, чудным солнечным утром, часов в одиннадцать, я подъезжал к поместью «Санта-Роза»: у меня была назначена встреча с владельцем мистером Джейм Франклином Серфом.

Когда он позвонил мне в контору, меня не было на месте. Однако Паула Бенсинджер (она управляет всеми делами, и без нее я как без рук) сказала потенциальному клиенту, что я вернусь примерно через час. На вопросы Серф отвечал неохотно: сообщил только, что дело срочное, конфиденциальное. Но Пауле было достаточно услышать его имя. Чтобы содержать такое громадное имение, как «Санта-Роза», нужно иметь кучу денег. А деньги всегда вызывали у Паулы повышенный интерес.

К моему возвращению в офис Паула уже успела кое-что накопать про этого Серфа, и, пока я приводил себя в порядок, она потчевала меня разными сведениями из газетных вырезок, которые запасены у нас на всех видных акул в Оркид-Сити.

Серф возглавлял «Ред стар навигейшн» – огромную компанию, которая торговала лесом и занималась перевозками через Тихий океан. Вот уже два года, как он овдовел. Жена погибла в аварии, и с тех пор его частная жизнь стала скучнее, чем тот зал в музее Ливингстона, где выставлены напоказ мумии. Однако недавно мистер Серф женился на манекенщице, что, по мнению Паулы, и заставило его обратиться ко мне.

– Когда мужчина в таком возрасте и с такими деньгами западает на манекенщицу, – не без цинизма рассуждала Паула, – да еще оказывается такой тряпкой, что позволяет себя окольцевать, то жди скорой беды. А если это даже не связано с его женой, – продолжала моя помощница, всегда имевшая запасную версию, – значит дело в его дочери Натали. Ей лет двадцать, и она сильно пострадала в той аварии, когда погибла ее мать. Натали обладает талантом наживать врагов так же легко, как ее папаша наживает деньги. Этот господин просто лопается от денег, – подвела итог Паула с грустью, возникающей у нее всякий раз, когда речь заходит о чужом богатстве. – И не вздумай сказать ему, что мы берем недорого. Поезжай туда сейчас же. Не дай бог, он передумает...

– Вот послушаешь тебя, – заметил я не без горечи, – и подумаешь, что ты хозяйка этого агентства, а я так – с боку припека. Лучше заправь новую ленту в машинку. А этим делом займусь я.

– Я тут единственная, кто занимается делом, чтоб ты знал! – стала заводиться Паула. – Да если бы не я, ты бы...

Но я уже бежал вниз по лестнице.

«Санта-Роза» занимала территорию в сотню акров. Это был настоящий рай: расположенные террасами лужайки, регулярные сады, бассейн, фонтаны, – в общем, шикарное место. Вы любите шикарные места? Я-то не очень. Когда попадаешь в такой караван-сарай с золотыми тарелками, так и думаешь о своем банковском счете, над которым богачи только посмеялись бы.

К дому вела извилистая аллея, и уже издали я разглядел достаточно широкую площадку для игры в поло, а также клумбы – такие яркие, что от них буквально рябило в глазах. Аллея привела к асфальтированной стоянке, где было припарковано несколько автомобилей. Самым маленьким из них был синий кабриолет «роллс-ройс». С него при помощи щетки из перьев

смахивали пыль два шофера-филиппинца. При этом они поглядывали друг на друга с такими ухмылками, как будто занимались чем-то противным их религии.

Справа от стоянки высился дом – такая скромненькая постройка спален на двадцать пять. В главную дверь этой крохотульки можно было свободно въехать на десятитонном грузовике. Французские окна выходили на эспланаду, которую можно было бы использовать в качестве взлетной полосы для истребителей.

Мне нужно было пройти через крытую веранду, перед ней стояли два больших горшка с бегониями, красной и желтой. Я остановился как будто для того, чтобы полюбоваться цветами (на самом деле просто хотел отдышаться), и в поле моего зрения оказалась девушка, сидевшая в инвалидном кресле. Она грелась на солнышке на этой веранде. Мое внезапное появление ее ничуть не удивило. Глубоко посаженные глаза разглядывали меня так пристально, что мне сделалось не по себе. Эта девушка словно бы читала письма, хранившиеся в моем бумажнике, или подсчитывала, сколько мелочи завалилось у меня в карманах.

На вид ей было лет двадцать пять. Маленькая, строгие черты лица, так что в голову приходит сравнение с неограниченным драгоценным камнем. Лицо бледное, вся будто выжатая, как и многие калеки. Губы тонкие, уголки рта опущены, но кажется, что она вот-вот усмехнется каким-то своим ироничным мыслям. Волосы темные, густые, до плеч, слегка завиваются внутрь. Одета девушка была в коричневые слаксы и синий кашемировый свитер, очень широкий, скрывающий фигуру. Впрочем, я сомневаюсь, что у нее была фигура.

Я снял шляпу и вежливо улыбнулся, показывая, что малый я доброжелательный – если это ей интересно. Но интересовало ее явно не это. Ни улыбки, ни приветствия я в ответ не получил. Наоборот, на меня словно пахнуло холодом.

– Вы из «Юниверсал сервисес»? – спросила она, как будто отчеканив каждое слово.

На коленях у нее лежала книга, и девушка задержала палец на слове, чтобы потом сразу отыскать место, на котором прервала чтение.

– Сударыня, именно я и есть «Юниверсал сервисес».

– Тогда вам нельзя через главную дверь, – последовал ответ. – Вход для торговцев направо и потом со двора.

Я вежливо поблагодарил, а когда она снова принялась за чтение, направился напрямик к главному входу.

– Куда вы? – вскричала она, строго глядя на меня. – Я же сказала, что торговцам...

– ...направо и потом со двора, – вставил я. – Знаю, знаю. Я вас расслышал. Между нами говоря, мисс Серф, точнее, между нами и бегониями, этот вход может быть и слева, а потом с главного фасада. А может – на крыше или под фонтаном. Мне это не очень интересно. Как-нибудь, когда найдется время, я взгляну на этот вход. Вполне вероятно, он того стоит. Да, запишу-ка себе в ежедневник: посетить вход для торговцев после дождичка в четверг. Благодарю за предложение.

Однако она, похоже, меня не слушала и снова уткнулась в книгу. Длинные темные локоны закрыли лицо. А жаль. Мне хотелось на нее посмотреть: держу пари, вид у нее был такой, словно она проглотила осу.

Ну что ж, стоять тут смысла не было. Для нее меня как будто больше и не существовало. Я продолжил свой долгий путь к парадному входу, размышляя об этой девушке: видимо, она не из тех, кого можно пригласить в пивную, надеясь, что она покажет свои подвязки.

Дверь открыл дворецкий. Он был высокого роста и выглядел торжественно. Лицо отставного министра, а манеры как у епископа. Когда я представился и сказал, что меня ожидает мистер Серф, он провел меня через вестибюль размером немного меньше, чем вокзал Пеннстейшн, затем по коридору, где с обеих сторон висели рыцарские доспехи и скрещенные мечи, потом вниз по лестнице, через бильярдную к лифту, который поднял нас на третий этаж. Выйдя из лифта, я прошагал, следуя за бравым дворецким, еще добрую милю коридорами и наконец

оказался в комнате, откуда открывался вид на площадку перед домом и на океан вдали. Это, по-видимому, и был кабинет великого человека.

– Я доложу мистеру Серфу о вашем прибытии, сэр. Скорее всего, он не заставит вас долго ждать, – объявил дворецкий самым церемонным тоном и направился прочь, производя при ходьбе не больше шума, чем снежинка, которая падает вам на шляпу.

2

Джей Франклин Серф выглядел именно так, как и должен выглядеть президент шести-миллионной транспортной компании: неприступно и властно. Такой человек не станет тратить время на пустяки. Было ясно, что кормили его с самых ранних лет всем самым лучшим, и в результате получился мужчина высокий и корпулентный. Физиономия румяная, хотя и загорелая. Глаза голубые, как незабудки, и совершенно бесстрастные. Ему, по-видимому, было хорошо за пятьдесят, но выглядел он неплохо. От лысеющей макушки и до окантовки сверкающих ботинок – воплощение человека, который добился всего в этой жизни.

Он порывисто вошел, закрыл за собой дверь и поглядел на меня так, как миллионеры смотрят на тех, кто будет стоять им денег.

– Вы Маллой? – спросил он хриплым, лающим голосом.

Наверное, те, кто от него зависит, при звуках этого голоса тут же бухаются на колени. Я молча кивнул и стал ждать, что он скажет.

Мне достаточно часто приходится иметь дело с богатеями, и я хорошо усвоил: они не слушают никого, кроме самих себя.

– Вы из «Юниверсал сервисес»?

Видимо, он из тех, кто любит все проверить.

– Именно, мистер Серф.

Он что-то проворчал себе под нос и уставился на меня. Его взгляд выражал сомнение. Серф хотел было что-то сказать, но тут же передумал и отвернулся к окну. Он тарачился туда непонятно зачем. Может, он заплатил за этот вид и теперь оценивал вложения?

Затем он вдруг заговорил, не оборачиваясь:

– Хотелось бы узнать о вашей фирме. Я в общих чертах в курсе, чем вы занимаетесь, но только из вторых рук. А я люблю во все вникать сам.

– Да, разумеется, – подхватил я (и почему мне не дают по десять баксов каждый раз, когда я проделываю этот трюк?). – Возможно, вам будет интересно узнать, как возникла наша фирма, мистер Серф. Как-то один человек объяснил мне, что миллионерам нужна особая служба. Чем человек богаче, тем больше зависит от других, говорил он. И он был прав! Когда я пришел из армии, у меня не было ни денег, ни перспектив, но я хорошо запомнил эти слова. И я решил создать для миллионеров такую службу, которая избавит их от всех других служб. Так появилось агентство «Юниверсал сервисес», которому на следующей неделе исполнится уже три года. Я не хочу сказать, что фирма превратилась в огненный шар. Но она приносит мне кое-какие деньги и массу удовольствия. Мы беремся за любые дела, о чем бы ни попросил клиент, – продолжал я. – И мне не важно, сколько времени это займет, легально ли это, нравственно ли это и так далее. Могу организовать развод. Могу достать белого слона. Мы усмиряли шантажистов, подстерегали наркоманов, возили компанию студентов в мировое турне, избавлялись от незаконнорожденных детей, стреляли в гризли (одному клиенту очень хотелось похвастаться, что он убил медведя), улаживали ситуацию с барышней-лунатичкой, которая гуляла во сне. В общем, мы делаем то, о чем нас попросят. То, что люди хотели бы сделать, но сами не могут. И если я договариваюсь с клиентом, то я беру его под защиту. Когда гонорар уплачен (а гонорары мы получаем немаленькие), клиенту больше ни на что тратиться не придется. Это служба для миллионеров, и все, что мы делаем, гарантированно остается тайной.

Я смолк, чтобы перевести дыхание, и в паузу нетерпеливо влез Серфф:

– Да, что-то подобное мне говорили. – Он наконец отошел от окна. – Присядьте. Выпить хотите?

Я сел и объявил, что не пью. Но он, должно быть, сразу понял, что это неправда. Серфф подошел к отлично устроенной стойке для коктейлей и приготовил две порции виски с содовой. Сделано это было быстро, мастерски, чувствовалась некоторая практика. Он поставил один стакан рядом со мной, а второй держал в руке. Впрочем, смотрел он на этот стакан так, будто не знал, что с ним делать.

– Если могу чем-то помочь, – начал я, пытаюсь направить его к делу, – то буду рад. И прошу не сомневаться, что наши услуги будут эффективны и совершенно конфиденциальны.

Он нахмурился.

– Я и не послал бы за вами, не будь в этом уверен, – отрезал он. – Да, у меня есть для вас одно дело. Так, ничего особенного. По крайней мере, ничего особенного для вас. А для меня...

Тут он снова погрузился в молчание и раздумье, а я попробовал напиток. Крепкий. Такой крепкий, что мог бы свалить с ног мула средней величины.

Серфф неожиданно подал голос:

– Прежде чем я расскажу вам все, хотелось бы услышать, что вы думаете об одной странной находке. Пойдемте-ка. Я вам кое-что покажу.

Он провел меня по коридору в просторную спальню, явно женскую: зеркальное трюмо, столик, повсюду разбросаны разные дамские штучки.

Серфф подошел к встроенному комоду – внушительному сооружению из ореха и тонированного стекла, – открыл дверцу и вытащил чемодан из свиной кожи. Он бросил этот чемодан к моим ногам и отошел в сторону.

– Откройте-ка!

Я присел на корточки и откинул две защелки. Чемодан был наполовину заполнен всякой всячиной: портсигары, несколько кожаных бумажников, пара колец с драгоценными камнями, три туфли от разных пар, ложки с названиями дорогих ресторанов, полдюжины зажигалок (некоторые с инициалами), несколько пар шелковых чулок с магазинными бирками, ножницы, два перочинных ножа (один с золотой рукояткой), три перьевые ручки и нефритовая статуэтка голой женщины.

Некоторое время я вынимал и рассматривал эти вещи, ожидая пояснений, но, поскольку Серфф их так и не дал, я побросал все обратно и поставил чемодан на место.

– Я только хотел, чтобы вы это увидели, – спокойно произнес Серфф. – Пойдемте обратно.

Когда мы вернулись в кабинет, он спросил:

– И что вы об этом скажете?

– Ну, если бы там не было непарных туфель и этих ложек, я бы ничего не сказал. А так похоже на склад клептомана. Впрочем, может, и нет. Но похоже.

– Да, и мне тоже так кажется, – вздохнул Серфф.

– Если только это не розыгрыш, – добавил я.

– Нет, не розыгрыш, – с неожиданной злобой отозвался Серфф. – Первое время после свадьбы нас с женой часто приглашали в гости. И все эти вещи по большей части принадлежат тем, кто нас звал. Например, статуэтка – собственность миссис Синди Клефт. Я даже помню, где она у нее стояла. А золотой нож принадлежит писателю Уилбуру Рискинду. Ложки похищены из ресторанов, где мы бывали. Нет, это совсем не розыгрыш.

– В этом и состоит дело?

Серфф ответил не сразу. Он достал сигару, отрезал кончик и закурил. Руки у него заметно тряслись.

– Да, в этом, – сказал он наконец.

Повисла пауза.

– Ужасно неприятная находка, – продолжал он, хмуро рассматривая сигару. – Получается, я ничего не знаю о своей жене. – Серф медленно, спокойно, без интонаций цедил слова. – Она работала манекенщицей у Саймона в Сан-Франциско. Я ее увидел на показе мод. – Он снова смолк и стал приглаживать свою и без того аккуратную прическу. – Мы поженились через три недели после встречи, с тех пор прошло всего четыре месяца. Свадьба была тихая... даже тайная, можно сказать. Журналисты только сейчас начинают узнавать.

– А почему тайная?

Он наклонился вперед и с силой потушил сигару. По этому движению было нетрудно догадаться о том, что происходило у него внутри: в таком настроении можно раскрыть собеседнику череп.

– Моя дочь – очень нервная особа. Мать к ней была очень привязана. И Натали никак не может прийти в себя после смерти матери. Поэтому мы с Анитой – это моя теперешняя жена – решили не поднимать шума со свадьбой. Ради Натали.

Я призадумался.

– Похоже, ваша дочь и миссис Серф не очень ладят?

– Не очень, – отозвался он, и уголки его рта опустились. – Но это к делу не относится. Я хочу узнать только одно: клептоманка моя жена или нет?

– А вы не спрашивали у самой миссис Серф?

Он уставился на меня так, словно в первый раз увидел. По-видимому, эта мысль показалась ему дикой.

– Конечно нет! И не собираюсь. С ней нельзя так говорить.

– А если кто-то пытается очернить миссис Серф в ваших глазах? Вы не думали? Положить все это барахло в ее чемодан – что может быть легче?

Серф притих.

– Ну и кто мог бы это сделать? – спросил он ледяным тоном.

– Вам лучше знать. Мое дело – представить ситуацию с разных сторон. Вы, ваша дочь и миссис Серф друг с другом не в ладах.

Он покраснел, в глазах зажегся нехороший огонек.

– Прошу не вмешивать в это дело мою дочь! – злобно сказал он.

– Конечно, конечно, – поспешил я его заверить. – Раз вы так считаете, то нет вопросов.

Я дал ему поостыть, а потом спросил:

– А почему вы вообще полезли в шкаф миссис Серф? Вы искали там этот чемодан или все произошло случайно?

– Мне кажется, жену кто-то шантажирует, – ответил он дрогнувшим голосом. – Я стал рыться в ее вещах, потому что искал этому подтверждение. И наткнулся на чемодан.

– А с чего вы решили, что ее шантажируют?

– Каждый месяц я выдаю ей определенную сумму, – начал объяснять Серф, с усилием выдавливая каждое слово. – Гораздо больше, чем ей требуется. Она не привыкла к большим деньгам, и потому я договорился с банком, что они будут присылать мне копию ее расходов. Это просто мера предосторожности. Я хотел первое время – год-другой после свадьбы – контролировать ее расходы. Так вот, за последний месяц она сняла со счета очень много.

– А сколько? – поинтересовался я (а сам подумал: весело, наверное, быть замужем за таким человеком).

– Первый раз – пять тысяч, потом десять, а потом пятнадцать тысяч долларов.

– Выплачены конкретному лицу?

Он покачал головой:

– Чеки на предъявителя.

– Итак, вы предполагаете, что кому-то известно о клептомании миссис Серф и этот человек решил заняться шантажом?

– Да, возможно. – Он сердито посмотрел в окно. – Я прошу вас последить за миссис Серфф, когда она ходит по магазинам. Скандала мне не нужно. Если она действительно подворовывает, позаботьтесь о том, чтобы ее не арестовали. Я хочу, чтобы вы следили за ней днем и ночью и обо всем докладывали мне. Хочу знать, с кем она встречается. Это особенно важно – узнать, с кем она встречается.

– Хорошо, с этим я справлюсь. У меня есть помощница, которая отлично выполнит задание. Ее зовут Дана Льюис. Может взяться за дело прямо сегодня. Годится?

Он кивнул.

– Завтра утром я вам пришлю смету за эту работу. И одновременно скажу мисс Льюис, что вы ждете ее доклада сегодня в три часа дня. Сюда ей лучше не приезжать, я думаю. Где вы можете с ней встретиться?

– В Атлетик-клубе. Скажите ей, я буду ждать в гостиной для дам.

– Отлично, договорились!

Я поднялся. Он нажал кнопку звонка, а я напоследок сказал:

– Еще одно. Как я понял, вы хотите, чтобы никто, в том числе миссис Серфф и ваша дочь, не знал о том, что вы меня наняли?

– Ну да, – подтвердил он недоуменно. – А что?

– А когда вы мне звонили сегодня утром, каким телефоном пользовались? Вот этим?

Он кивнул и нахмурился.

– А параллельные телефоны в других комнатах есть?

– Да, есть.

– Я бы на вашем месте был поосторожнее, мистер Серфф. Когда я шел сюда, то встретил вашу дочь. И она уже знала, что я из «Юниверсал сервисес».

Он заметно насторожился, но ответил нарочито спокойно:

– Хорошо, Маллой. Займитесь своим делом, а за этим я прослежу.

– Как знаете. Тогда всего доброго, – сказал я и направился к двери.

Мне навстречу вышел дворецкий.

Мы проделали весь длинный путь к выходу в молчании. Когда слуга подавал мне шляпу и трость, я спросил:

– Скажите, а где миссис Серфф? Она здесь?

Он окинул меня взглядом и ответил ледяным тоном:

– Полагаю, она плавает в бассейне, сэр. Вы хотели бы ее увидеть?

– Нет. Просто спросил. В таком доме троим и потеряться несложно, а?

Однако дворецкий явно не собирался поддерживать беседу. Он только открыл мне дверь:

– Всего доброго, сэр!

– До свидания, – ответил я и зашагал по эспланаде.

«Интересно, Натали все еще наслаждается солнышком в своем уголке?» – подумал я.

Однако ее там не оказалось, и след простыл.

Я начал спускаться по широкой каменной лестнице к парковке, как вдруг увидел девушку в купальном халате. Она быстро шла по дорожке, которая вела во двор дома. Высокая платиновая блондинка. На лице ясно написано: мне на всех наплевать. Настолько обыкновенное лицо, что и красивым-то его не назовешь. На вид лет двадцать семь – тридцать, не больше. А глаза просто прекрасные: серые и огромные.

Я поглядел на нее, она – на меня. Улыбка промелькнула на ее полных ярких губах. Впрочем, кому она улыбалась – мне или своим мыслям, неизвестно. Такую улыбку трудно истолковать.

Она поднималась по ступеням, и ее халат распахнулся. Формы у нее были, что называется, умопомрачительные. А два лоскутка изумрудно-зеленой ткани плохо выполняли свою задачу, если задачей было скрыть эти формы.

Она пролетела мимо меня, а я обернулся, чтобы посмотреть ей вслед.

Пройдя эспланаду до половины, она тоже оглянулась, вскинула подведенные карандашиком брови – и улыбнулась еще раз. Вот теперь ошибиться по поводу этой улыбки было невозможно.

Я замер на месте: сделал стойку, как охотничий пес. Она же свернула за угол и исчезла.

3

Агентство «Юниверсал сервисес» занимает две комнаты на десятом этаже в Оркид-билдинг, самом крупном из всех похожих на дворцы бизнес-кварталов нашего города. Позади здания находится узкий проулок, который служит по преимуществу парковкой для машин местных заправил и их подчиненных. А в дальнем конце этого проулка располагается бар Финнегана.

Я обсудил задание Серфа с Паулой и отправился в этот бар. Там, как и ожидалось, за столиком в нише уже сидели Дана Льюис, Эд Бенни и Джек Керман – мои помощники. Я выполняю административные функции, а они всё больше бегают.

– Привет, Вик! – поприветствовала меня Дана и хлопнула по сиденью стула рядом с собой. – Присаживайся. Ну, куда ты ездил утром?

Дана была очень милая девочка, хорошо сложенная и совсем не глупая.

– Да нашел вам работенку, – ответил я, опускаясь на стул. – Привет, ребята! – обратился я к остальным. – Вам тоже найдется дело, если все пойдет, как я задумал. Так что включайте мозги на полную катушку.

– Послушай-ка, ангел смерти, – ответил Бенни, подливая себе ирландского виски, – мы тут вкалывали всю ночь, так что оставь нас пока в покое, ладно?

– А работа была из тех, которые эта зануда Бенсинджер припасает персонально для нас, – добавил Керман, поморщившись. – Пришлось сопровождать парочку старых кляч в казино. И если я говорю «старые», то это значит, что мать Рипа ван Винкля¹ рядом с ними выглядела бы как Маргарет О'Брайен². Представляешь?

Керман был франт: высокий, темноволосый, с ленцой – настоящий красавчик. В шевелюре у него пробивалась седина, а усики он носил, как у Кларка Гейбла³.

Бенни же был прямой противоположностью Кермана: приземистый и крепкий, с красной, как будто вырезанной из куска резины, физиономией. И он, похоже, нарочно одевался как пугало; другого такого неряху было еще поискать.

Но сотрудники они были отличные, и мы с ними отлично ладили, хотя и подначивали друг друга все время.

– Вик, ты не обращай внимания на эту пару никуда не годных крыс, – вмешалась Дана, которой явно не терпелось узнать, в чем дело. – Знаешь, на что они способны? Предлагали мне сыграть в кости на мою нижнюю юбку с оборками и при этом собирались смухлевать. Ну не сволочи?

– Да ладно, забудь! – сказал Бенни и шлепнул ее по спине так, что она чуть не слетела со стула. – Можно подумать, ты носишь такие юбки.

– Послушай, так не обращаются с дамой, – сурово предупредил я.

– А я с ней обращаюсь как с сестренкой, – объявил Бенни. Он взялся своей лапищей за край миленькой шляпки Даны, надвинул эту шляпку ей на нос и спросил: – Правда, подружка?

¹ *Rip van Winkle* – персонаж одноименной новеллы американского писателя В. Ирвинга (1819). – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² *Маргарет О'Брайен* (р. 1937) – американская актриса, известная благодаря ролям, исполненным в детском возрасте.

³ *Кларк Уильям Гейбл* (1901–1960) – популярный американский актер, получивший прозвище Король Голливуда.

В ответ Дана ловко пнула его в голень. Бенни в гневе вскочил, но тут Керман ухватил его за горло и повалил на пол. Они принялись яростно бороться, опрокинули стол и перебили стаканы. Я едва успел спасти виски и отскочить. Тем временем Дана, издав победный клич, вскочила Керману на спину и принялась таскать его за волосы.

Никто в баре не обратил на это происшествие особого внимания. Тут уже привыкли ко всему, что вытворяла эта троица.

Немного погодя всем троим надоело кататься по полу, и они, задыхаясь и глупо хихикая, снова уселись за стол.

– Я подвязку порвала, – пожаловалась Дана, внимательно изучая свою ногу. – Когда же вы, чертовы кабаны, научитесь вести себя как джентльмены? Стоит выйти с вами в люди – и обязательно вываляешься в грязи.

Керман поправил пробор на своей шевелюре, а Бенни принялся искать что-то под столом.

– Она подвязки носит! Скажите пожалуйста! – восклицал он. – А я-то думал, она чулочки приклеивает к ногам.

– Да заткнетесь вы все наконец? – взмолился я. – Я же про дело пришел поговорить.

Дана стукнула Бенни по голове свернутой газетой.

– Эй, хорош тарачиться, хренова пьянь! – гаркнула она на Бенни.

– Мисс Льюис! – всплеснул руками Бенни. – Что это за жаргон?

Я грохнул кулаком по столу:

– Короче, если вы не хотите слушать...

– Хорошо-хорошо, милый, – тут же согласилась Дана. – Мы все внимание. Так что за дело?

Я все рассказал.

– Мне нужно, чтобы ты, Дана, отправилась сегодня в три часа в Атлетик-клуб и встретишься с этим Серфом. Слушай внимательно. Очень может быть, что тут замешана его дочь. Как бы то ни было, твое дело – следить за миссис Серф. Если она вдруг что-нибудь утащит в магазине, ее надо прикрыть. Действовать точно и аккуратно.

– Ну и какая эта Серф из себя, красотка? Есть на что посмотреть? – спросил Бенни, пододвигая ко мне стакан виски.

– Роскошная штучка, – ответил я, изобразив руками два изгиба. – Вся из возвышенностей и низменностей. Красивая бабенка.

– А мы что, тоже участвуем в деле? – проявил неожиданный интерес Керман. – Можем помочь Дане, а то, ты ведь знаешь, она иногда тупит.

Дана рывком встала, оттолкнув стул.

– Я не такая тупая, как тебе хотелось бы, – отрезала она, а потом обратилась ко мне: – Ладно, я побежала, Вик. А ты проследи, чтобы эти дебилы не перепились.

Бенни хотел шлепнуть ее напоследок по заднице, но она ловко увернулась и исчезла.

– Дебилы... – повторил Керман, глядя ей вслед. – Вот благодарность за все, что мы для нее сделали. Эй, ты, пьянь, – накинулся он вдруг на Бенни, заметив, что тот подливает себе еще виски. – Оставь это мне, ты уже и так хорош. А я плачу за половину этой бутылки, понял?

– Так, послушайте-ка меня, – сказал я, выхватывая бутылку и затыкая ее пробкой. – Вы будете расследовать версию с шантажом. Сидите тихо, пока Дана не принесет нам новостей. И чтобы больше ни капли! У меня есть на вас виды сегодня вечером. Тут один старичок хочет поймать голубого марлина. Работа несложная, а кроме того, у старичка длинная борода. Если он вам надоест, можете ее поджечь.

– Старичок, значит, – печально повторил Бенни. – Слушай, а почему не леди? Почему не роскошная миссис Серф? Как только появляется возможность отдохнуть на море, откуда-то появляется помеха – старичок с бородой.

– А может, ты поймаешь русалку, – поощрил я его. – Тогда кидай старичка за борт и отдыхай сколько хочешь.

Они помолчали, и молчание это было зловещим.

– Знаешь, как я люблю этого парня? – спросил Бенни у Кермана. – Как муха любит мухомор.

4

Через два дня после моей встречи с Серфом вечером я сидел на веранде своего домика (в нем четыре комнаты, и расположен он прямо на берегу). Я пил виски и перечитывал отчет Даны, который прихватил с собой, уходя из офиса.

Отчет был сжатый, но несколько любопытных пунктов в нем было. До сих пор, докладывала Дана, Анита Серф kleптоманских наклонностей не проявила. С утра ходила по магазинам, но ничего подозрительного в ее поведении не замечено. Покупки совершала либо за наличные, либо записывала на свой счет. Но это ничего не значит, поскольку у kleптоманов болезнь часто развивается циклами, и чтобы поймать kleптомана с поличным, нужно время.

А любопытным было то, что Анита, оказывается, тайно встречается с мужчиной по имени Джордж Барклай: за два дня их видели вместе дважды. И по их отношению друг к другу ясно, что они любовники и что оба стараются на улицах случайно не натолкнуться на знакомых.

Они встречались в лобстер-баре на краю города, а на следующий день отправились на ланч в греческий ресторан подальше от богатых районов, где можно нарваться на друзей Серфа или самой Аниты.

Дана выяснила фамилию и адрес Барклая по номеру его автомобиля. Он живет на Уилтшир-авеню в небольшом доме типа швейцарских шале, на собственном участке. Парень явно плейбой, выглядит и одевается, как голливудская звезда, гоняет на «крайслере»-кабриолете, и денег у него, похоже, куры не клюют. Это первый любопытный факт.

Второй факт – Ральф Баннистер, хозяин респектабельного ночного клуба «Этуаль» на Фэрвью-бульваре. Анита подъехала туда накануне около шести часов вечера, и Дана подслушала, как та спрашивала охранника, можно ли увидеть Баннистера по срочному делу. Ее пропустили, и Анита провела в клубе около часа, а потом поехала домой в «Санта-Розу» ужинать.

Я слышал про этого Баннистера, хотя лично никогда не видел. Это был ловкий жулик, владелец доходного ночного заведения. Он поставлял миллионерам разносолы и держал пару незаконных рулеточных столов. Можно представить, сколько ему приходилось платить полиции за крышу.

Я уже думал, не направить ли Бенни и Кермана по этим двум следам, как вдруг увидел свет фар машины, подъехавшей к моему дому по вьющейся вдоль пляжа дороге. Было уже пятнадцать минут одиннадцатого, ночь выдалась жаркая, кругом стояла тишина. Гостей я не ждал и поначалу подумал, что машина проедет мимо, но не тут-то было. Она встала у деревянной калитки. Фары погасли.

Уже стемнело, и я ни черта не мог разглядеть. Машина была большая, как линкор, но сидевшего за рулем я не видел. Я сунул в карман отчет Даны и решил подождать. Может, кто-то ошибся адресом.

Защелка на калитке звякнула, и я различил темную фигуру – похоже, женскую. Лампа в гостиной горела, двери веранды были открыты нараспашку, но в сад свет почти не проникал.

Только когда гостя подошла вплотную, я узнал Аниту Серф. Поднимаясь по трем ступенькам на веранду, она снова взглянула на меня с той полуулыбкой, которую я не мог сразу разгадать. На Аните было яркое вечернее платье с большим вырезом, а на шее сверкало, прямо как огненная лента, дорожное бриллиантовое ожерелье. Смотрела она так, словно от ее глаз

ко мне протягивался луч – невидимый, но такой плотный, что его можно было чуть ли не пощупать.

– Привет, – сказала она хриловатым контральто. – А где все? Или вы тут один?

Я вскочил в замешательстве: вот уж кого не ожидал в гости. Я поглядел через ее плечо: нет ли там Даны Льюис? Анита тут же прочитала мои мысли.

– Нет, можете ее не искать, – сказала она. – Я сумела улизнуть от мисс Холмс.

И прежде чем я что-то сообразил, она решительно вошла в гостиную и уселась в кресло. Я последовал за ней и на всякий случай задернул на окнах шторы.

До этой минуты я не проронил ни слова. В голове прокручивались версии того, что все это значит, и потому мне было не до вежливости. Если Серф узнает об этом визите, беды не оберешься. Но и Анита, разумеется, это прекрасно понимала. Почему и приехала одна в то время, когда и я должен был быть один.

– Что вам угодно, миссис Серф? – спросил я, становясь прямо перед ней.

Мы присматривались друг к другу. В ее серых глазах плясали веселые огоньки.

– Мне не нравится, что за мной следят, – сказала она. – И я хочу знать, зачем за мной следят.

Удивительно, как это она засекала Дану. Вот уж кто во время работы превращался едва ли не в невидимку. Хотя если слежкой занимается только один человек, всегда остается риск, что его засекут. Я мысленно обругал себя за то, что не отправил Бенни на подмогу Дана.

– Вам следует спросить об этом у мистера Серфа, – ответил я. – И кстати, если уж мы о нем заговорили: мне кажется, он не одобрит ваш визит ко мне.

Она засмеялась, показав отличные зубы – крепкие и белые; стесняться их было нечего, и она не стеснялась.

– Если бы вы только знали, сколько всего не одобряет мистер Серф, – заметила она игриво. – Вы даже не представляете сколько. Так что еще один случай погоды не делает. А закурить у вас не найдется?

Я протянул ей пачку «Лаки страйк» и зажигалку. Пока она прикуривала, взяв зажигалку пальцами с алыми коготочками, я сказал:

– Вот ведь не ожидал сегодня гостей. Дела, знаете ли.

– Ну раз дела, то мы все быстро выясним, – отозвалась она. – Так зачем эта женщина за мной следит?

– Все-таки вам лучше спросить мистера Серфа.

– Фу, как вы невежливы. А мне-то казалось, что вы мне обрадуетесь. Обычно мужчины радуются. А выпить у вас нет?

Я направился к столику, где стояли бутылки. Пока я разливал виски, мы оба молчали, и это было тягостно.

Я передал миссис Серф бокал, и она улыбнулась. Да, быть адресатом такой улыбки – все равно что наступить на голый провод с током.

– Благодарю вас, – сказала она, сверкнув глазами из-под изогнутых ресниц. – Так тут больше никого нет?

– Никого. Как вы меня нашли?

– Ну, это несложно. Увидела в «Санта-Розе» вашу машину, прочла, что она принадлежит «Юниверсал сервисес». Дворецкий назвал вашу фамилию. Потом заглянула в телефонную книгу, и вот я здесь.

– Да, неудивительно, что частные детективы сидят без работы.

– А вы частный детектив?

– Нет, ни в коем случае.

– Тогда расскажите, что же такое «Юниверсал сервисес».

– Это агентство, которое берется за любое дело – понятное и совершенно непонятное, за все, что подвернется, но при одном условии: если дело легальное и не нарушает этические нормы.

- А шпионить за женщиной этично?
- Смотря какая женщина, миссис Серф.
- А мой муж просил вас за мной шпионить?
- Разве? Что-то я такого не припомню.

Она отпила из бокала, поставила его на стол и поглядела на меня. Не знаю, что такого завораживающего она нашла в моей физиономии. Может быть, пыталась меня загипнотизировать? Но смотрела она не отрываясь.

- Почему эта женщина повсюду за мной следует?
- Похоже, мы ходили по кругу. Поэтому я ответил ей то же, что и раньше:
- Мистер Серф объяснит вам это. Если захочет, чтобы вы знали.

Она пожала плечами и принялась осматривать комнату. По правде говоря, тут не было ничего, что могло бы вызвать восторг у жены миллионера. Тони, мой филиппинский мальчишка-слуга, поддерживал в доме порядок лишь чуть лучше, чем в свинарнике. Мебель так себе, как и ковры и все прочее. Что касается картин, то я время от времени выдираю разные портреты из «Эсквайра» и вешал на стену. Но я привык жить в бардаке, меня это не волновало.

- Должно быть, платят вам не очень много, – заметила она.
- В смысле, за работу?

Я поводил стаканом в воздухе, рассматривая со всех сторон, как искрится янтарный напиток.

- Ну да. Плохо зарабатываете? Я сужу по комнате.
- Я сделал вид, что отношусь к этому вопросу всерьез.

– Ну, не знаю, – протянул я после паузы. – Смотря что называть хорошим заработком. На бриллианты я, конечно, не заработаю, но, держу пари, получаю больше, чем какая-нибудь манекенщица. И работа у меня интересная.

Похоже, я попал в больное место. Губы ее сжались, лицо покраснело.

– Вы хотите сказать, что вам не надо жениться по расчету, чтобы свести концы с концами, так? – спросила она, сверкнув на меня глазами.

- В общем и целом, да.
- А скажите, тысяча долларов вас не заинтересует?

На нее было приятно смотреть, но оставаться с ней наедине было слишком опасно, и я уже получил на сегодня от Серфов все, что хотел.

Я поднялся:

– Извините меня, миссис Серф, но тут не рынок. Мне надо беречь свой бизнес. Может, он и не очень прибыльный, но мне нравится, как ни странно. И я не торгую своими клиентами. Ничего не выйдет. Может быть, и вы как-нибудь ко мне обратитесь. Тогда ведь и вам не захочется, чтобы я продавал информацию?

Она глубоко вздохнула. На лице отразилась какая-то внутренняя борьба, но потом она снова улыбнулась.

– Вы совершенно правы, – сказала она. – Мне вовсе не следовало сюда приезжать. Но согласитесь, неприятно, когда тебя преследуют, как преступницу.

Я не сразу нашелся что ответить, а она продолжила не останавливаясь:

- Какой чудесный напиток! Можно мне еще?

Я пошел налить ей еще, а она тем временем встала и пересела на диван, который я называл кушеткой для кастинга. Это было большое и удобное сооружение, купленное мною на аукционе с мыслью «вдруг пригодится». И действительно, время от времени этот диван служил мне совсем неплохо. Анита уселась на него и, закинув ногу на ногу, стала ею покачивать. От

этого движения ее длинная юбка задралась. Со своего места я видел одну длинную стройную ногу в шелковом чулке. Впрочем, видел не выше колена.

Я поднес ей коктейль и заметил:

– У вас юбка задралась чуть не до шеи. Дело ваше, но так и простудиться недолго.

Она одернула юбку и сверкнула глазами так, будто хотела укусить.

– Не смею вас торопить, миссис Серфф, – продолжал я, – но у меня, знаете ли, осталась на сегодня целая куча работы.

– Что ж, делу время, – ответила она. – А потеха вас совсем не интересует?

– Интересует, как же, но только не с женами клиентов. Вы не представляете, как я не люблю внезапных насильственных смертей.

– Да ему дела до меня нет! – объявила она, глядя на свой бокал. – А мне до него. – Она вдруг подняла на меня глаза и посмотрела совершенно недвусмысленно. – Вы мне нравитесь. А ну-ка, сядьте здесь! – И она показала на место рядом с собой.

Я чуть не послушался, но все-таки сумел удержаться:

– Давайте не сегодня. Дел, знаете ли, много. Да и вам пора домой.

Но Анита была настроена решительно. С чарующей улыбкой она поставила бокал на стол и поднялась. Потом подошла так близко, что меня охватило облако ее духов.

– Мне еще рано, – сказала она и погладила меня по руке. – Могу задержаться... если вы хотите, конечно.

Мне оставалось только сделать шаг вперед и заключить ее в свои объятия. Да кто не мечтает о такой минуте и о такой девушке! Но все же я только сочувственно похлопал ее по руке: жаль, детка, жаль – и тебя, и меня.

– Если бы вы и остались, то ничего у меня не вывели бы. Лучше спросите у Серффа. Может, и скажет. А я уже закончил рабочий день, пора отдохнуть от клиентов. Так что будьте хорошей девочкой, поезжайте домой.

Она продолжала улыбаться по инерции, но взгляд помрачнел.

– А вы все-таки передумайте, – сказала она и обняла меня за шею.

Не успел я ей помешать – впрочем, сильно я и не старался, – как она уже целовала меня своими многоопытными губами. Простояли мы так секунд, наверное, десять, это было что-то вроде тренировки. У меня, насколько помню, крутилась мысль: «Вот сейчас я тебя оттолкну, и тогда ты увидишь, что я за парень – волевой и сам себе хозяин». Но только что-то шло не так, где-то я ошибся и оттолкнуть ее не смог. Вместо этого впился в ее губы, одновременно прогибая ее назад и поддерживая рукой за поясницу – все, как полагается в Голливуде.

Целоваться она умела. Руками обвила меня за шею и издала такой полуобморочный не то вздох, не то стон, после которого выбора у меня уже не оставалось.

Мы приземлились на диван, я ощущал ее дыхание, рукой она полезла мне под рубашку – потрогать грудь. Однако, прежде чем она пошла дальше, я бросил на нее быстрый взгляд, которого она не ожидала. И я заметил холодное, бесстрастное выражение ее лица, сосредоточенный, расчетливый взгляд серых глаз – это отрезвило меня, как хороший удар в диафрагму. Я отпрянул, вскочил и сделал глубокий вдох. Мы смотрели друг на друга не отрываясь.

– Ладно, попробуем еще раз, когда ваш муж мне заплатит, – сказал я наконец. Мой голос звучал так, словно я пробежал пару миль в гору. – Когда ничего не сдерживает, у меня возникает больше желания. А сейчас позвольте проводить вас до машины, мэм.

Она перевела взгляд с меня на ковер, продолжая изображать нечто вроде улыбки. Руки вцепились в сумочку так, что побелели костяшки пальцев. Она посидела секунд десять, а потом встала и сказала резко:

– Хорошо. Но учтите: если речь пойдет о разводе, то он получит его только на моих условиях. И это влетит ему в копеечку. И еще скажите ему: нечего за мной следить. Меня так легко не поймаешь. И вообще, я вышла замуж, чтобы выдти из него все деньги, но если бы я знала,

какой он зануда, то мне и денег было бы не нужно. Можете передать. – Говорила она тихо, не давая выхода гневу и разочарованию. – И еще скажите ему: если за кем и надо следить, так это за его кислой доченькой. Вот где его ждет сюрприз! – Тут она рассмеялась. – А тебе не мешает быть погорячее. Сам не понимаешь, что теряешь.

Не переставая смеяться, она раздвинула шторы, а затем спустилась, сверкая бриллиантами, по ступеням и исчезла в темноте.

5

Я проснулся от телефонного звонка. Казалось, он звучал громче пожарной сирены, и я вскочил, чуть не опрокинув кровать. Нашарил выключатель, включил свет и схватил трубку. На часах было четыре минуты четвертого.

– Маллой? – гаркнул кто-то. – Это Мифлин из полицейского управления. Извини, что разбудил. Нам тут только что принесли сумку, принадлежащую Дане Льюис. Это ведь твоя сотрудница?

– И ты за этим меня разбудил?!

– Ну-ну, спокойно. Мы позвонили мисс Льюис, но она не отвечает. Тут что-то нечисто. В том месте, где нашли сумку, были и следы крови на песке. Так говорит парень, который ее принес. Я сейчас туда еду. Поехали вместе!

Я уже совсем проснулся.

– А где нашли сумку?

– В дюнах, в миле от твоего бунгало. Я подъеду через десять минут и заберу тебя.

– Договорились.

Я положил трубку и вылез из постели.

Когда подъехала машина, я был уже одет. Погасил свет и направился к калитке. Мифлин и два копа в форме ожидали меня в большой машине, оснащенной рацией.

Коренастый, с красной физиономией и носом картошкой, Мифлин сразу производил впечатление бывалого и крутого копа. Время от времени мы с ним пересекались по делу. Мне он нравился, а он проявлял ко мне терпение, так что мы помогали друг другу по мере возможности. Мифлин открыл дверцу, я влез, водитель газанул, и машина, подсакивая на рытвинах, помчалась по дороге вдоль пляжа.

– Пусть это и ложная тревога, но лучше посмотреть, – заметил Мифлин. – Возможно, никакая там не кровь, хотя парень клянется, что видел собственными глазами.

– А что он там делал в такое время?

– Просто болтался. Этого типа зовут Оуэн Лидбеттер, он там всем известен. Чокнутый. Делает вид, что наблюдает за птицами, а сам подглядывает за парочками. Но малый безобидный, мы его знаем.

Я хмыкнул. Вот только таких мне не хватало.

– А что, мисс Льюис была на задании? – поинтересовался Мифлин.

– Понятия не имею, – осторожно ответил я.

Я не обманывал Серфа, когда обещал ему хранить тайну. Мое правило: что бы ни случилось, никогда не называть имя клиента без его разрешения.

– Почти приехали, – обернулся шофер. – Парень сказал, это у первой линии дюн, так?

– Точно. Включи-ка прожектор, Джек, а то ни черта не видно.

Небольшой, но мощный прожектор тут же вспыхнул, и мы увидели перед собой гряду песчаных дюн. Место было пустынное, клочками рос какой-то кустарник. Справа вдалеке был слышен шум прибоя, бившегося о скалы. Прохладный ветерок налетал порывами, закручивая песок.

Мы вышли из машины.

– А ты останься, Джек, – велел Мифлин шоферу. – Если я крикну, направь на меня прожектор.

Мне он протянул фонарик:

– Пойдем вместе. Гарри, заходи слева. Мы пойдем справа.

– А почему вы не взяли с собой этого дурика? – спросил я, когда мы двинулись по рыхлому песку. – Время бы сэкономили.

– Да ну его! Если бы ты его увидел, то не спрашивал бы. Кроме того, он отметил то место кучкой камней. Найдем.

И действительно, кучку камней мы нашли почти сразу, в двухстах метрах от машины.

Мифлин окликнул водителя, и тот направил в нашу сторону прожектор. Не подходя к месту слишком близко, мы осмотрели песок. Местами он был плотный. Если тут и были следы, то их давно засыпало. А вот красное пятно возле кучи камней действительно имелось. Похоже на кровь, и мух полно. У меня внутри все оборвалось. Дана была отличной девчонкой. Столько лет ее знаю...

– Кто-то тут побывал, – сказал Мифлин, сдвигая шляпу на затылок. – Но следов не видать. Похоже, это кровь, Вик.

– Да, похоже, – подтвердил я.

Подошел Гарри, второй полицейский:

– Если тело где-то здесь, то надо искать вон там. – Он показал дубинкой на заросли кустарника. – Туда шла тропа, но ее заровняли.

– Поглядим, – сказал Мифлин.

Я остался на месте, а они отправились обыскивать кусты. Я ни о чем не думал, только смотрел, как лучи их фонариков шарят в зарослях.

Вдруг они оба встали и наклонились. Я вытащил сигарету, зажал ее пересохшими губами, но забыл прикурить. Копы долго что-то рассматривали. Эти минуты мне показались вечно-стью.

Наконец Мифлин выпрямился и крикнул:

– Вик, она здесь!

Я отшвырнул незажженную сигарету и на плохо сгибающихся ногах подошел к ним.

При резком свете фонариков Дана была похожа на куклу.

Лежала на спине, песок забился ей в волосы, глаза и рот.

Она была совершенно голая. Лоб разmozжен пулей. Руки застыли у лица, пальцы скрючены. Судя по виду ее исцарапанного, измазанного песком тела, кто-то взял ее за ноги, проволоком лицом вниз и без жалости швырнул сюда, как мешок с мусором.

Ужас, застывший на ее лице, заставил меня похолодеть.

Глава вторая

1

Я вышел на улицу из полицейского управления. Серый закат уже занимался над линией небоскребов на горизонте. Было без пяти шесть, и я чувствовал себя выжатым как лимон.

Пока санитары из морга заносили Дану, я позвонил Пауле. Она велела мне приехать к ней сразу после того, как я разделаюсь с полицией, и я пообещал так и сделать.

Паула была потрясена – это чувствовалось по голосу, но тем не менее мы с ней ни слова не сказали о задании Даны. Мы понимали, что говорим через полицейский коммутатор, и значит, нас слушают очень внимательно.

Мифлин задавал массу вопросов, но я не мог ему рассказать про Серфа, а все остальное было не важно. Просто ответил, что понятия не имею, отчего Дану застрелили и что не давал ей заданий. Он напирал снова и снова, но так ничего из меня и не выжал.

Наконец Мифлин объявил, что должен поговорить с капитаном полиции Бренденом, когда тот придет, и что они мне сегодня же утром позвонят. Я сказал, что буду в их полном распоряжении, и направился к двери. Ему явно не хотелось меня отпускать, но и задерживать меня он больше не мог.

Коп, стороживший выход, набычился, когда я проходил мимо него. Ничего личного в этом не было. Копы в Оркид-Сити известны своей быковатостью. Я скорчил ему точно такую же физиономию и вышел на улицу. Сразу удалось поймать такси. Я назвал адрес Паулы и поехал на Парк-бульвар.

Дверь открыла сама Паула. Как ни удивительно, она оказалась полностью одета и выглядела свежей как огурчик.

– Заходи, – пригласила она меня внутрь. – Кофе готов. Он тебе сейчас точно не помешает.

Паула – высокая брюнетка с холодными и внимательными карими глазами. А губы у нее как у бизнес-леди: сжаты, но того и гляди укусят. Она быстро соображает, никогда не теряет присутствия духа, да и вообще с ней легко работать. О силе ее характера говорит то, что за многие годы сотрудничества я ни разу даже не пробовал с ней переспать, хотя соблазн пару раз возникал. Может быть, оттого, что мы познакомились еще во время войны. Она служила шифровальщицей в Управлении стратегических служб, а я имел дело с их агентами. Именно она тогда подала мне идею создать «Юниверсал сервисес» и даже одолжила денег на первые полгода. Мы пять лет шли вместе через все удачи и неудачи. Бывало и плохое и хорошее. И я уже не смотрел на нее как на девушку. Ну, то есть не то чтобы она была некрасива, совсем нет. Но мы слишком хорошо знали друг друга, чтобы затевать роман. Она такие порывы пресекала каким-нибудь саркастическим замечанием, так что второй раз к ней уже никто подкатывать не решался. И несмотря на это, мы отлично ладили.

– Не надо кофе, – отмахнулся я.

Мне все еще было не по себе после той находки.

– Слушай, ты бы съездила к Дане на квартиру. Может, у нее остались копии отчетов? А я поеду к Серфу.

– Не волнуйся, Вик, – успокоила она меня. – Все уже сделано. Я только что звонила Серфу, а Бенни прямо сейчас находится у Даны на квартире.

– Ну да, спасибо. Мог бы догадаться, что ты все устроишь. – Я присел. – Так, значит, ты звонила Серфу? И что, он не спал?

– Спал. Но быстро встал, – ответила она.

Паула налила большую чашку черного кофе, затем она подошла к буфету и добавила из графина в ту же чашку немного бренди. Такая у нее была привычка. Паула считала, что черный кофе стимулирует лучше, чем виски.

– Это ужасно, Вик. Бедная девочка...

– Да, – кивнул я. – А что Серф?

– Он чуть с ума не сошел. Но ты же не сказал копам, что Дана работала на него?

– Не сказал. Я водил Мифлина за нос. Только не знаю, как долго удастся его дурачить. Он же не идиот. Серф будет настаивать, чтобы мы держали слово не выдавать его.

– Еще бы, – заметила Паула, наливая вторую чашку уже для меня. – Если мы скажем копам, что Серф нанял «Юниверсал сервисес» следить за своей женой, то на этом наш бизнес и кончится. – Она налила в чашку бренди и поставила ее передо мной. – Серф предупредил, что будет все отрицать. И если мы на него дадим показания, он подаст на нас в суд за клевету.

– И ему нет никакого дела до того, что нас в конце концов могут обвинить в соучастии за сокрытие информации?

– Разумеется.

– Итак, что же получается? Мы дали слово его не выдавать и взять это слово назад не можем. Мне все это не нравится, Паула. Правила правилами, но мы их вводили не для того, чтобы мешать расследованию убийства.

– Скажи лучше, ты понимаешь, почему ее убили?

– Толком нет. Может, она вышла на того, кто шантажировал Аниту, и этот тип решил убрать свидетеля?

– А как ее убили?

– Выстрел в голову из сорок пятого калибра примерно с пятнадцати метров. Меткий стрелок. Чего я никак не пойму, так это зачем он забрал ее одежду. – Я допил кофе, встал и принялся шагать по комнате. – Нам надо найти этого стрелка, Паула.

– Ты хочешь, чтобы мы сами взяли за расследование?

– Вот именно. И начиная с этой минуты мы не будем заниматься ничем другим, пока не найдем убийцу. А когда найдем, то подумаем, как его наказать, не впутывая в это дело Серфа.

– А нельзя все рассказать Мифлину? – спросила Паула. – Ты же с ним в хороших отношениях. Может, он согласится не впутывать Серфа?

– И не думай. Он тут же донесет Брендону, а как нас любит Брендон, ты сама знаешь. Нет, так дело не пойдет. Копам ничего говорить нельзя. Они тут же захотят побеседовать с миссис Серф, а этого не потерпит мистер Серф. Если он клянется, что будет все отрицать, то, значит, так оно и будет. У нас вообще нет доказательств, что мы на него работали. Денег он нам не платил и теперь, похоже, не заплатит. Зато мы получим от него иск за клевету, который подорвет нашу репутацию.

– Вик, мне это не нравится. Если полиция найдет убийцу и тот все расскажет, мы окажемся преступниками.

– Ну да. Только как они его найдут? У них ни одной зацепки. Мы скрыли все улики, и именно поэтому нам самим и надо расхлебывать эту кашу. А кроме того, я лично заинтересован в раскрытии убийства Даны. Нельзя позволять убийце моей сотрудницы остаться безнаказанным.

– И с чего начнем?

– Я хочу прямо сейчас поговорить с миссис Серф.

Паула покачала головой:

– Не получится. Она сбежала.

Я уставился на нее с зажженной зажигалкой, забыв прикурить:

– Сбежала?

– Я попросила Серфа о встрече с ней, но он отказал. По его словам, она собирается уехать из города как можно скорее. Сейчас она уже в пути.

– Значит, надо ее найти. Она знает, кто убийца.

– Именно это я и сказала Серфу. А он ответил, что ничего она не знает. И что если мы не прекратим ее преследовать, то будем отвечать перед ним.

– Найдем, пусть не сомневается, – заверил я Паулу.

– Только отчего ты так уверен, что шантажист и есть убийца? – спросила она. – О том, что шантажист вообще существует, мы знаем со слов Серфа. А может быть, она помогала своему любовнику?

– Я поговорю с дочерью Серфа. Она не любит Аниту. Может быть, согласится что-то рассказать.

– Хорошая мысль. С кем еще переговорить?

– Есть еще парень, который нашел сумку. Оуэн Лидбеттер. Правда, тут я не знаю, что лучше: дать копам его допросить и потом вывести все у Мифлина или самому этим заняться? Если Мифлин узнает, что мы ведем допросы, он заподозрит неладное. А этот Лидбеттер может нас выдать.

– А что, если заплатить ему за молчание? – спросила Паула.

Она была твердо уверена, что с помощью денег можно сделать что угодно.

– Наверное. Я попробую. Дальше. Есть еще этот Барклай, с которым встречалась Анита. Дана писала, что они любовники. Я покопаюсь в его прошлом. Очень может быть, что он-то нам и нужен.

– Если в этом деле замешан шантажист, то я бы потрясла еще и Баннистера, – сказала Паула. – С тех пор как он занялся тут бизнесом, без него не обходится ни одна уголовщина. Зачем, спрашивается, миссис Серф звонила ему накануне вечером? Что там было такого срочного? Если это выяснить, все встанет на свои места.

– Хорошо, пусть Бенни займется Баннистером, а Керман Анитой. – Я снова закурил и продолжил: – Поручим Керману узнать побольше о прошлом Аниты. Может, накопает что-нибудь полезное. А я поговорю с Натали Серф.

– Действуй побыстрее, Вик, – сказала Паула.

Она сохраняла полное спокойствие. Вообще, чтобы ее растревожить, надо очень постараться.

– Если копы выйдут на убийцу раньше, чем мы, тогда... – И она состроила гримасу.

Вдруг раздался звонок в дверь. Мы оба подскочили.

– Полиция, наверное, – сказал я.

– Да нет, это Бенни. Я велела ему приехать сюда, как только он осмотрит квартиру Даны.

Она пошла открывать и вскоре вернулась с Бенни. Обычно добродушный, малый сейчас был явно напряжен.

– Нет, ты видал когда-нибудь такое, Вик? – начал он взволнованно. – Надо из-под земли достать этого гада, который ее убил. Я прямо сам не свой! Лучшая девчонка из всех, с кем я работал!

– Ладно, хватит! – оборвал я его. – Скажи лучше, нашел ты связь между Серфом и убийством?

Бенни взял себя в руки.

– А то как же, – ответил он. – Нашел ее тетрадь наблюдений и копию последнего отчета. И еще кое-что. Правда, не знаю, откуда это. Должно быть, не ее. Вот, лежало у нее под матрасом.

И он выудил из кармана и бросил на стол бриллиантовое кольцо Аниты Серф.

2

Мы с Бенни отправились завтракать в бар Финнегана. Было чуть больше половины восьмого, но Керман уже сидел в баре и мучился от нетерпения.

Мы уселись за стол, и к нам подошел сам Пэт Финнеган – здоровенный детина, все его лицо было в шрамах: он получил их в драках, когда работал на лесозаготовках.

– Хреново, мистер Маллой, – сказал он, протирая стол. – Я только что прочел в газете. Жаль ее. И кто бы это мог сделать?

– Пока не знаю, Пэт, но мы обязательно узнаем, – ответил я. – А пока дай-ка нам омлет с беконом и побольше кофе. Поработаем сегодня.

– Сейчас принесу, – кивнул Финнеган.

Было заметно, как напрягаются его здоровенные плечевые мышцы под фланелевой рубашкой – аж швы трещали.

– И если я вам могу помочь... – начал он.

– Спасибо, старина! Если понадобится, я дам знать.

Пэт отправился на кухню, а Керман нетерпеливо спросил:

– Ну так что будем делать?

– Мы справимся втроем, Джек, – ответил я. – Сделаем все быстро и гладко. А Серфф не должен быть замешан.

– А если Брендон нас поймает, что тогда? – покачал головой Керман. – Я знаю, мы гарантируем клиенту тайну, но это когда-нибудь плохо кончится... Так что будем делать?

– У нас есть версии, которые можно отработать за пару дней. Не думаю, что Мифлин может похвастаться тем же. Но он парень удачливый – глядишь, и отыщет что-нибудь. А нам надо бегать быстро. В этом деле много непонятного. И самое непонятное – как ожерелье Аниты оказалось под матрасом у Даны?

– Под матрасом? – ошеломленно переспросил Керман, глядя на Бенни.

– Ну да, – ответил тот. – Я там все обшарил. Постель скомкана. Я поднял матрас, гляжу – камешки. Вик говорит, это ожерелье той красотки, жены Серффа.

– Анита заезжала ко мне вчера вечером, и ожерелье было у нее на шее, – сказал я.

Я кратко рассказал о ее визите и подытожил:

– Эта штука стоит тысяч двадцать, если не больше. Эд, ты займешься этим. Задача – выяснить, как ожерелье оказалось у Даны.

Подошел Финнеган с омлетом.

– Хочу с ней попрощаться, цветы принести, мистер Маллой, – сказал он, расставляя перед нами еду. – Когда похороны, не знаете?

Мне сделалось не по себе: Дана и похороны... Но я понимал, что Пэт говорит из лучших чувств. Я пообещал дать ему знать, когда будет известно, и попросил уйти. Он заговорил было еще о чем-то, но Бенни хлопнул его дружески по спине и посоветовал убраться.

– Ладно, ухожу, джентльмены, понимаю ваши чувства, – произнес Финнеган. – Я и сам места себе не нахожу. Славная была девочка.

Он вернулся за стойку и оттуда поглядывал в нашу сторону, качая головой. Все это действовало мне на нервы.

– Эд, ты должен восстановить маршрут Даны, – продолжил я давать поручение Бенни, повернувшись спиной к Финнегану. – Вплоть до той минуты, когда ее застрелили. Потряси швейцара в ночном клубе. Может быть, он ее видел. Но только ни слова о Серффе. Ты знаешь, как Дана была одета?

– Знаю. Я проверил ее гардероб, когда там был, – ответил Бенни, не переставая жевать омлет. – Синий пиджак и юбка, которые она обычно носит. Их не было в шкафу. Значит, их она и надела.

Керман налил себе кофе и подвинул ко мне кофейник.

– А что с бриллиантами? – спросил он.

– Пока лежат у нас в офисе, в сейфе. Потом воспользуюсь ожерельем, чтобы заставить Серфа заговорить. Сегодня утром с ним встречаюсь.

– А мне что делать? – спросил Джек.

– Займись Лидбеттером. Мифлин говорит, что у парня не все дома. Любит подглядывать. Значит, он может знать больше, чем рассказал полиции. Съезди к нему. Если почувствуешь, что денежка развяжет ему язык, не стесняйся. О расходах не думай. Мне важно, чтобы был результат.

– Ладно, – сказал Керман. – Съезжу. Но только кажется мне, что он тут не поможет. – Он отодвинул пустую тарелку, закурил и сказал: – До сих пор миссис Серф проходила у нас как жертва шантажа на тридцать тысяч баксов. Большая сумма, и все потому, что она ворует вещи. Но если все так, если она клептоманка, значит она хочет заплатить эту сумму, чтобы шантажист заткнулся. Так зачем ему убивать Дану?

– Может быть, он собирался сорвать большой куш. Запросил пять тысяч, потом поднял до десяти, потом до пятнадцати. Хотел вытрясти из Аниты хорошие деньги. А Дана стала мешать.

– Но убивать-то зачем? – зло повторил Керман. – Чем Дана могла ему помешать? Выдала бы Аниту? Убивать смысла не было. Вот что я в толк не возьму.

– Да, пожалуй, ты прав, – призадумался я. – Наверное, ты верно говоришь, Джек. – Я встал, потянулся за сигаретой из пачки Кермана и закурил. – Может быть, тут дело в другом, – стал я размышлять. – Смотри. Барклай и Анита любовники. Дана про это узнала, пока проверяла версию о шантаже. Тогда Барклай решил заткнуть ей рот, чтоб не выдала. Все сходится.

– Нет, не сходится, – ответил Керман. – Зачем убивать? У этого Барклая полно денег, так? И все, что ему надо сделать, – это заставить Серфа дать развод, а потом жениться на Аните. И незачем мараться убийством.

– Ну да, все так, – хмуро кивнул я.

– Переходим к выводам, – продолжал Керман. – Поскольку Дана следила за Анитой, а потом Дану вдруг убили, мы предполагаем, что Дана узнала нечто про Аниту. Но убийство может быть совсем не связано с Серфами.

– Еще что скажешь? – возмутился я. – А кто еще мог ее убить? У нее никогда не было врагов. И что она делала в дюнах, если не следила за Анитой?

– А почему ты так уверен, что Анита тоже там была? – спросил Бенни.

– Я уже объяснил. Она приезжала ко мне примерно в половине одиннадцатого. Дану нашли в миле от моего дома. Вот я и предполагаю, что Анита оказалась на этом месте после того, как ушла от меня, чтобы встретиться с шантажистом. Дана за ней следила, хотя Анита думала, что та сбилась со следа. Вы знаете, как Дана умела следить. От нее так просто не уйдешь. Значит, она следовала за Анитой до места встречи и напоролась там на шантажиста. А он потерял голову и застрелил ее.

– А Анита не могла ее застрелить? – спросил Керман.

– Могла, – согласился я. – Но только вряд ли. Женщины не очень ладят с такими пушками. Сорок пятый калибр! Вряд ли Анита с этим справилась бы. Ну и, кроме того, она не похожа на убийцу.

Керман надул щеки, покачал головой и пожал плечами.

– Я-то ее не видел, – сказал он. – Ладно. Что еще? Зачем Дане это ожерелье? Мы про него еще не говорили. Есть идеи?

– Только одна. Ожерелье Даны подбросили. Предположим, кому-то хочется, чтобы копы подумали, будто Анита причастна к убийству Даны. Вот для этого и подбросили. Кому принадлежит ожерелье, узнать легко. Если бы Эд его не нашел, оно оказалось бы у полиции, и они тут же дознались бы, что это вещь Аниты.

– Понятно. Может, Натали Серфф?

– Может, и она. Все это только гипотеза. Но как только Бенни сказал мне про ожерелье, у меня сразу появилась эта мысль. Очень похоже на подброшенную улику. Натали ненавидит Аниту. Значит, запросто могла подбросить ожерелье, чтобы Аниту обвинили в убийстве.

– Но она же калека! – воскликнул Бенни. – Как она доберется до квартиры Даны? Там четвертый этаж без лифта.

– А я не говорю, что она сама подбросила. Возможно, ей кто-то помог. Это тоже всего лишь гипотеза, но и об этом стоит подумать. В общем, Эд, тебе надо узнать, входил ли кто-нибудь в квартиру Даны между одиннадцатью вечера и тремя часами ночи. Раньше ничего случиться не могло, потому что ожерелье было у Аниты на шее, когда она приезжала ко мне.

– Если удастся найти эту даму и заставить ее заговорить, – заметил Керман, – то полдела будет сделано.

Я встал:

– Значит, так. Я займусь Серффом. Ты, Джек, отправляешься искать Лидбеттера. Он мог видеть в дюнах Аниту или даже самого убийцу. Ты, Эд, знаешь, что делать. Отправляйся в дом, где жила Дана, но, если увидишь полицию, не суйся туда. Встречаемся за ланчем и делимся новостями.

Мы попрощались с Финнеганом и направились к своим машинам на парковку.

– Рано еще, Вик, – сказал Керман, взглянув на часы. – Ты что, прямо сейчас к Серффу?

– Да, – ответил я. – Паула вытащила его из постели своим звонком в пять утра. Он давно на ногах и ждет не дождется меня. Ну и чем меньше времени я ему дам на размышления, тем лучше. Надо его как следует огорошить на этот раз. Пауле было нечем на него надавить, а у меня есть ожерелье.

– Да, лучше ты к нему поезжай, – сказал Бенни, залезая в свой старенький «форд». – А то, знаешь, миллионеры такие: как укусит потом в отместку... Не дай мне бог на таких давить.

– Да и мне тоже, – с чувством подтвердил Керман.

3

У главного въезда в «Санта-Розу» торчал охранник. Железные ворота были на замке: посетителей сегодня не ждали.

Охранник, парень среднего роста, выглядел очень нарядно в зеленой форме и фуражке с глянцевым черным ремешком. Ремешок он зажал в зубах и пожевывал с таким утомленным и задумчивым видом, с каким корова жует свою жвачку. Блондин, глаза почти бесцветные, не то серые, не то голубые. На бледном смазливом лице выражение напускной наглости и уверенности в себе. Я такие физиономии терпеть не могу. На вид года двадцать два, но кое-что повидал в жизни: казался гораздо старше. Должно быть, этому малому многое пришлось терпеть от ближних в юности, он дошел до самого дна, и эта грязь к нему прилипла. В общем, этот парень был не из тех, кто играет в настольный теннис в хостелах ИМКА, и не тот, кого вы представите подружке. Разве что если у вас под рукой будет пистолет.

Я припарковался буквально в паре метров от него и дал ему на себя полюбоваться. От бесцветных глаз ничего не скрылось. Он немного ощерился, показав мелкие зубы: дал понять, что ни в грош меня не ставит.

Я заглушил мотор и вылез.

– Можно проехать внутрь или надо идти пешком? – спросил я самым дружелюбным тоном.

Хромированные пуговицы на его форме так и искрились на солнце. Перчатки из хорошей кожи сияли, чуть ли не отражая облака. Еще ярче сияли сапоги – в их аккуратных квадратных носках я различал свою собственную физиономию. Ну просто красавчик. Сверкает, как пятидолларовый бриллиант, и столько же стоит.

– Тебе чего надо-то, приятель? – спросил он лениво.

Его голос скрипел, как напильник по стали.

– Да вот спрашиваю – можно въехать в ворота или мне пешком идти?

Он задумчиво пожевал ремешок от фуражки, все еще оглядывая меня, и наконец ответил:

– Ни въехать и ни пройти. – Охранник прислонился к стене, всем видом показывая: ночь была длинная и он устал за эту ночь как собака. – Так что уматывай вместе со своим ведром.

– Только не сегодня, – покачал я головой. – У меня тут маленькое дельце с твоим шефом. Моя фамилия Маллой. А ну-ка, сынок, давай лети к нему пулей и скажи, что я здесь. Он жаждет меня видеть.

Он снял перчатку, расстегнул правый карман на груди и выудил оттуда золотой портсигар, совмещенный с зажигалкой. Выбрал сигаретку, закурил, убрал портсигар обратно и, хорошенько затянувшись, выпустил дым из своих тонких ноздрей. Бесцветные глаза смотрели куда-то вдаль, на губах играла отрешенная улыбка.

– Никого нет дома, – сказал он, разглядывая вдали океан, как будто удивляясь: ну надо же, океан все еще на месте! – Короче, приятель, садись в свое ведро и проваливай.

– Дело важное, – сказал я так, словно не слышал его. – Ты передай боссу: он примет или меня, или полицию. Очень важное дело.

Это заставило охранника задуматься. Он щелкнул по сигарете отполированным ногтем, стряхивая пепел. Слово не удовлетворившись этим действием, потопал по земле носком своего элегантного сапога. Но и это, похоже, не принесло ему радости.

– Уехал старик, – выдавил он из себя наконец. – Час назад примерно. Только не спрашивай куда. Путешествовать уехал, должно быть. А ты будь добр, исчезни отсюда. Хочется, знаешь, тишины с утра.

Похоже, он не врал. Во всяком случае, становилось ясно, что только танк или взвод автоматчиков может заставить его отворить эти ворота. Значит, нечего терять тут время.

Я вернулся в машину и запустил двигатель. Охранник посмотрел, как я разворачиваюсь и отъезжаю, а потом отпер створку ворот, зашел внутрь, запер за собой и исчез в домике охраны.

Проехав вдоль длинной ограды поместья до угла, я повернул и проследовал еще несколько метров по дорожке, которая шла вдоль забора. Теперь машину от главных ворот было не видно. Я заглушил мотор и вышел.

Так, забор почти два с половиной метра высотой. Ну, ничего. Я не акробат, но на такой влезу. Я потянулся, одним движением перелетел через преграду и приземлился на что-то мягкое – как оказалось, на клумбу.

Было без малого девять утра, и я не очень надеялся нарваться на Натали Серф. Она почему-то не казалась мне девушкой, которая любит помочить ножки в росе. Но все же оглядеться стоило. Вдруг Анита еще здесь? Место, чтобы спрятаться, было неплохое.

К дому пришлось шлепать довольно долго. Впрочем, я не спешил и то и дело оглядывался. Не очень хотелось снова вступить в беседу с блестящим юным привратником. Похоже, отвязаться от него во второй раз будет совсем не просто.

Я прошел мимо бассейна, в котором можно было устраивать парусные гонки.

Шагал я по дорожке с резиновым покрытием, сделанной, должно быть, для купающихся, чтобы они могли добраться до бассейна без обуви. Потом пришлось подняться на окружавшую дом эспланаду.

Я спрятался за большим кустом рододендрона и обследовал окна дома на предмет каких-нибудь признаков жизни.

На меня глядели ряды сияющих окон, в них никто не показывался. Дом был тих и спокоен, как хористка поутру.

Я вышел из своего укрытия и направился на эспланаду. Она была так широка и так пустынна, что я чувствовал себя центром мироздания, как участник слета пожарных, заоравший ни с того ни с сего: «Горит!»

На парковке не было машин, никакие филиппинские шоферы на меня не фыркали, никакие царственные дворецкие не принимали у меня шляпу. Мне хватило храбрости пройти на цыпочках всю эспланаду, вплоть до знакомой мне веранды, и заглянуть внутрь.

Натали сидела в своей коляске, в синем кимоно и стеганых тапочках, украшенных перьями страуса. На коленях у нее стоял поднос. Она ела тост с маслом и рассеянно смотрела перед собой. У девушки был тот потерянный и несчастный вид, какой бывает у людей, привыкших к одиночеству.

Она заметила у себя под ногами мою тень, но не сразу подняла глаза. Расстроенное выражение лица сменилось другим – настороженным. Тонкие губы сжались, и Натали положила на тарелку недоеденный тост. Только после этого она подняла на меня глаза.

– Добрый день! – сказал я, снимая шляпу. – Меня зовут Маллой. Помните меня?

– А что вы тут делаете? – спросила она, подаваясь всем телом вперед.

Она была вся напряжена, глаза ее горели.

– Приехал повидаться с вашим отцом, – ответил я, прислоняясь к дверному косяку. Отсюда было видно всю эспланаду, удобно на случай подхода подкреплений. – Он ведь где-то тут неподалеку?

– Это Миллз тебя пустил? – спросила она.

Нет, все-таки удивительный у нее взгляд, особенно если учесть ее возраст.

– Миллз – это тот блестящий молодой человек, который отдыхает у главного входа? У него еще такие очаровательные пуговицы...

Она сжала губы, и на бледных щеках проступили маленькие красные пятна.

– Как вы сюда попали? – резко спросила она.

– Перелез через забор, – объяснил я. – Послушайте, ну зачем нам злиться друг на друга и портить такое прекрасное утро? Мне нужно повидаться с вашим отцом.

– Его здесь нет. И не могли бы вы удалиться?

– А можно в таком случае перемолвиться словечком с миссис Серфф?

– Ее тоже нет.

– Ах, как мне не везет! А у меня как раз с собой ее бриллиантовое ожерелье.

Ложечка, которой поигрывала Натали, со звоном упала на блюдо. Девушка сжала кулачки.

– Не могли бы вы удалиться?! – громко повторила она, еще больше подаваясь вперед в кресле.

– Но я же хочу вернуть ожерелье. Это ценная вещь. Вы мне не подскажете, где я могу найти мадам?

– Не знаю и знать не хочу! – отрезала она и указала трясущимся указательным пальцем на ворота. – Убирайтесь, или я прикажу вас вышвырнуть!

– Ну-ну, я вовсе не хочу показаться назойливым, но дело гораздо серьезнее, чем вы думаете. Ваш отец нанял мою сотрудницу следить за миссис Серфф. Во время этой слежки сотрудницу убили. А ожерелье миссис Серфф было найдено в комнате убитой.

Натали резко отвернулась – так, что я не мог видеть ее лица. Она открыла сумочку и вытащила оттуда портсигар и зажигалку. Закурила (рука подрагивала), все еще не поворачиваясь ко мне.

– Меня не интересует, чем занимается миссис Серфф, – произнесла она гораздо более спокойным, приглушенным тоном. – И я просила вас уйти.

– Я еще не сказал, что полиция ожерелье пока не нашла. И если вы мне подскажете, где находится миссис Серфф, я смогу успокоить ее так же, как вас.

Натали посмотрела на меня без всякого выражения. Лицо ее было бело, как накрахмаленная простыня. Она хотела было что-то сказать, но потом передумала. Глаза сузились, и она стала похожа на кошку, почуявшую мышь и приготовившуюся к охоте.

Я развернулся на каблуках.

Блестящий юноша по фамилии Миллз стоял в нескольких метрах позади меня. Руки в перчатках, сжатые в кулаки, упираются в стройные бедра. Он был, похоже, озадачен – так же был бы озадачен чемпион мира по боксу Джо Луис⁴, если бы какой-нибудь карлик стукнул его по носу. Но Миллз сохранял самоуверенный вид – пожалуй, даже слишком самоуверенный. От такой самоуверенности невольно задумываешься: что же будет дальше? – и жалеешь, что у тебя нет ни пистолета, ни дубинки, одни голые кулаки.

– Опять ты тут, приятель, – сказал он. – А ведь я тебе говорил: испарись.

– Вон из поместья! – выпалила Натали, прямо как героиня старинного романа. – И чтобы он никогда не смел здесь появляться!

Миллз покосился на меня с ухмылкой.

– Не появится, – заверил он томно. – Ручаюсь. Пошли, парень. Надо прогуляться до ворот.

Я посмотрел на Натали. Она намазывала масло на хлеб и не глядела на меня. Если когда-нибудь учредят «Оскар» за игнор, то ей можно награду присуждать без голосования.

– Не хочу быть назойливым, – сказал я ей, – но если вы скажете, куда делась миссис Серфф, это сэкономит массу времени и решит кучу проблем.

Но разговаривать с ней было все равно что с Великой Китайской стеной.

Блестящий юноша тем временем подошел ко мне вплотную.

– Тебе вон туда, приятель, – сказал он ласково и убедительно. – Я тебя провожу.

– Послушай... – начал я, но не закончил.

Он стукнул меня кулаком в челюсть. Не то чтобы очень сильно, но довольно быстро, и я не успел среагировать. Боль была сильная, хотя я даже не покачулся.

– Ладно, – сказал я, потрогав разбитые губы. – Уговорил. Пошли к воротам. Если ты сам нарываешься, я помогу подавить твои импульсы.

Я был так зол, что даже не поглядел на Натали Серфф. Мы быстро сбежали по ступенькам – я впереди, охранник за мной. Я был уверен, что справлюсь с ним: все-таки ростом я сантиметров на десять выше и килограммов на десять тяжелее. Да и злость во мне кипела.

Он держался поодаль, и так мы дошли до ворот – нас разделяли метра три. Затем я повернулся. Он сохранял томный вид, и это особенно бесило. Обычно те, кого я собираюсь вздрючить, так не выглядят.

Он двинулся вперед, и я сделал финт – как будто бью снизу левой, чтобы охранник опустил руки, и тут же нанес удар прямой правой в челюсть. От этого удара его голова должна была слететь с плеч. Отличный был удар, один из лучших, никогда раньше он меня не подводил. Отлично рассчитан, и расстояние было не больше фута. Удар молниеносный, как вспышка.

⁴ Джо Луис (Джозеф Луис Бэрроу; 1914–1981) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

И все-таки я промазал на добрые три дюйма. По инерции я полетел вперед, так что ему оставалось только встретить меня ударом. Но он нанес не один, а пять быстрых ударов в живот. И сила, и скорость у этого парня были как у клепального молота.

Я сумел удержаться на ногах. Дыхание сперло, колени согнулись, и я тщетно пытался выпрямиться. Последовал удар правой в голову, уже почти расслабленный. Я видел этот удар, но не мог ничего сделать. Удар кувалды по челюсти – и темнота. Когда волна схлынула, я понял, что лежу навзничь на спине, глядя на ватные облака, спокойно проплывающие в утреннем небе.

– И не приезжай сюда больше, приятель, – сказал кто-то в отдалении. – Нам тут такие не нужны. Так что избавь нас от своих посещений.

Я смутно различал фигуру, склонившуюся надо мной. Потом что-то – должно быть, его сапог – ударило меня по шее, и мир исчез, как задутое ветром пламя свечи.

4

Когда я добрался до своей машины, рядом с ней оказался полицейский. Здоровый коп сидел верхом на мотоцикле и со скучающим видом ждал. Было ясно, что он решил дождаться во что бы то ни стало.

Завидев меня, он ухмыльнулся, слез с мотоцикла, поставил его на подставку и направился ко мне.

Всю дорогу от ворот поместья до парковки я непрерывно ругался и теперь, хотя ругательных слов у меня не осталось, был по-прежнему страшно зол. По шее словно ударили боевым топором, хотя и тыльной стороной. Все тело болело, и это добавляло мне злости.

При этом я злился на себя больше, чем на Миллза. Как можно было позволить сопливному мальчишке так себя отделать? Моя гордость была уязвлена. А когда гордость Маллоя уязвлена, он становится хуже ку-клукс-клана.

– Ну, чего надо? – спросил я у копа, набычившись. – Мне и без полиции хреново, так что говори, зачем явился, и проваливай.

Коп разглядел здоровенный синяк у меня на шее и сочувственно ухмыльнулся. Потом тихонько присвистнул и покачал головой.

– А что случилось? – спросил он, опираясь на дверцу моей машины. – Лошадь лягнула?

– Лошадь? – повторил я с сарказмом. – Думаешь, лошадь может оставить такой след? Видел паровой молот, который забивает сваи на пересечении улиц Россмор и Джефферсон?

Он кивнул.

– Так вот, я сунул голову между ним и сваей и подождал, пока он пару раз ударит, чтобы проверить, какой я крутой.

Парень соображал туго. Он был из тех, кто верит каждому вашему слову. Поверит, даже если кто-нибудь назовет его красавцем. Однако чуть погодя он все-таки догадался, что я его разыгрываю.

– А ты, я вижу, шутник, – сказал он, ухмыляясь. – Ладно, шея твоя. Тебя капитан вызывает в управление. Мне поручено доставить.

– Поезжай в свое управление и скажи шефу, что у меня дел хватает и что мне некогда болтать со всякими пьяницами. – Сказав это, я уже собрался сесть в машину, но добавил: – Город у нас снобский, надо быть разборчивее в связях.

– Шеф приказал так: либо привести, либо привезти. Выбирай сам, – дружелюбно сказал коп. – А если старик говорит доставить во что бы то ни стало, значит считай, что я получил разрешение вдарить тебе разок дубинкой по башке. Тебе нужны еще синяки, дружище?

– Ты с кем разговариваешь? – завелся я.

– Да с тобой, с кем еще, – ухмыльнулся коп.

Сказано это было очень добродушно, так что я только ухмыльнулся в ответ.

– Да ничего страшного, – продолжал он. – Шеф хочет с тобой поговорить о вчерашнем убийстве. Поехали, брат.

– Поехали, – ответил я, включая двигатель. – Но только я еще встречу однажды этого ублюдка в темном переулке. И специально надену ботинки с острыми носами.

– Ага, – сказал коп, тоже включая двигатель. – Так оно и будет.

– И послушай, приятель! – заорал я, перекрикивая шум мотора. – Раз уж я еду с тобой, то еду красиво! А ну включай сирену!

И мы поехали красиво.

Хорошо передвигаться по городу в час пик на скорости девяносто, когда полицейский разгоняет перед тобой транспорт воем сирены. Мы ломались на красный на каждом перекрестке, подрезали направо и налево, поворачивали под знак «Поворот запрещен», и прохожие провожали нас изумленными взглядами.

Наконец остановились возле полицейского управления. Коп оглянулся на меня с ухмылкой.

– Ну как? – спросил он, паркуя мотоцикл. – Красиво получилось?

– Отлично, – ответил я, вылезая. – Надо будет потом еще раз повторить. Повышает настроение.

В холле меня встретил Мифлин. Вид у него был самый мрачный.

– Привет, Тим, – сказал я. – Что случилось?

– Капитан тебя ждет, – ответил он. – И не вздумай ему грубить. По его мнению, ты что-то скрываешь об этом убийстве. Он зол так, что может укротить крокодила. Будь поосторожнее.

Я поднялся за ним по лестнице и прошел по коридору до двери с табличкой «Эдвин Брендон, капитан полиции».

Мифлин постучал так осторожно, будто дверь была сделана из яичной скорлупы. Открыл и пропустил меня.

Брендон занимал большой, просторный, хорошо обставленный кабинет. Турецкий ковер на полу, несколько кресел, пара репродукций пейзажей Ван Гога, в углу между окнами – большой письменный стол. Одно окно выходило на гавань, а другое – на небоскребы даунтауна. За столом восседал Брендон. Для тех, кто был не в курсе, кто он такой и чем занимается, на столе стояла табличка из золота и красного дерева: «Эдвин Брендон, капитан полиции».

Брендону было хорошо за пятьдесят. Небольшого роста, полный, с густой седой шевелюрой. Глаза у него были столь же оживленные и столь же дружелюбные, как отполированная прибором галька.

– Присаживайтесь, – сказал он, указав на кресло у стола. – Разговор будет.

– О'кей.

Я осторожно уселся в кресло. При этом у меня в животе что-то екнуло, и я моргнул.

С Брендonom я имел дело впервые. Видел его раньше на улице, но никогда с ним не разговаривал. Поэтому я внимательно смотрел на него. Он, впрочем, тоже меня пристально изучал.

Мифлин по-прежнему стоял у двери. Он с невозмутимым видом разглядывал потолок.

Про Брендона говорили, что он бывает крут. Инспекторы, с ним работавшие, его побаивались, а рядовые полицейские просто трепетали. Судя по тому, как притих Мифлин, преувеличения в этом не было.

– Что вы знаете об убийстве, которое случилось вчера ночью? – спросил Брендон.

– Ничего, – ответил я. – Я присутствовал, когда Мифлин нашел тело, вот и все.

Брендон открыл ящик стола и достал коробку сигар.

– И что вы думаете об этом? – спросил он, присматриваясь к сигарам, словно подозревал, что ими кто-то попользовался.

– Похоже на убийство на сексуальной почве.

Он посмотрел на меня задумчиво, потом снова перевел взгляд на ящик.

– Медицинское освидетельствование это отрицает, – сказал он наконец. – Не было изнасилования, нет синяков, нет следов борьбы. Одежду сняли уже с трупа.

Выбрав сигару, Брендон положил ее на стол и убрал ящик. Я с самого начала подумал, что мне он закурить не предложит, и был прав.

– Насколько я знаю, мисс Льюис принимала участие во всех делах, за которые вы брались. Правильно?

– Да, – кивнул я.

– Значит, вы знаете о ней больше, чем другие, – продолжил капитан, снимая с сигары ленту. При этом он хмурился так, словно эта лента ему очень мешала и больше его ничего вокруг не интересовало.

– Ну, кое-что я знаю, но не обязательно больше, чем другие.

– Как вам кажется, у нее были враги? – спросил он.

– Думаю, что нет, – ответил я.

– А любовник?

– Насколько мне известно, не было.

Он посмотрел на меня:

– Вы точно знаете?

– Да, точно. Она бы мне рассказала.

– Как вы думаете, зачем ей понадобилось приезжать на Восточный пляж в такое время?

– А в какое время?

– Около половины первого ночи.

Он снял наконец эту ленту и принялся шарить по карманам, отыскивая спички.

– Нет, не знаю зачем.

– Она приехала туда не для того, чтобы встретиться с вами?

Я ответил отрицательно. Судя по недоверчивому взгляду, который он на меня бросил, Брендон был вполне готов упечь меня за убийство. «Надо вести себя с ним поосторожнее», – подумал я.

– Чтобы попасть туда, где ее убили, нужно проехать мимо вашего дома, правильно?

Забавно, что она к вам не заглянула.

– Мы были коллегами по работе, капитан, – ответил я спокойно. – А не любовниками.

– Точно?

– Ну, может, кто и не помнит, с кем он спит, но только не я. Да, точно.

Брендон чиркнул спичкой о подошву ботинка и закурил.

– Что вы делали прошлой ночью между половиной двенадцатого и половиной первого?

– Спал.

– Выстрела не слышали?

– Я если сплю, то сплю.

Он с подозрением осмотрел свою сигару, повертел ее в белых пухлых пальцах и поудобнее устроился в кресле. Похоже, он наслаждался этим разговором.

– Были ли у вас гости вчера вечером?

– Да.

– И кто?

– Одна дама. Она не имеет никакого отношения к убийству, и она замужем. Извините, капитан, но ее фамилии я вам не скажу.

– Это была высокая блондинка в ярко-красном вечернем платье? – спросил он вдруг и подался вперед, вглядываясь в меня.

Я ждал, что он выкинет нечто подобное: иначе и не стоило устраивать личный допрос. В общем-то, я был готов. Благодаря опыту игры в покер на ставки, которые превышали мои

финансовые возможности, я сумел сохранить безразличное выражение лица. То есть едва сумел.

– Она рыжая, – ответил я. – А кто эта блондинка?

Он молча смотрел на меня. Потом сказал:

– Вы сказали Мифлину, что мисс Льюис не получала от вас никаких заданий, – зашел он с другой стороны. – Это правда?

– Если я так сказал Мифлину, значит правда.

– Необязательно. Вы могли защищать клиента.

Я поглядел в окно: какая красивая гавань! Как вода блестит при утреннем солнышке...

– Нет, я не защищаю, – ответил я, поскольку надо было что-то ответить.

– Маллой, если окажется, что вы защищали клиента, – гаркнул вдруг капитан, – я прихлопну вашу лавочку к чертям собачьим. Я предъявлю вам соучастие через сокрытие информации так быстро, что вы и оглянуться не успеете, как окажетесь под судом.

– Ну, это же надо сначала доказать, – ответил я сдержанно.

Брендон сидел, подавшись вперед, и сверлил меня взглядом. Теперь я понимал, почему инспекторы его побаивались. Больше всего он походил сейчас на черную мамбу – такой же приятный и коммуникабельный.

– Мы не можем никуда продвинуться с этим расследованием, Маллой, потому что вы ведете свою игру. Но у вас не получится меня одурачить. Мисс Льюис работала с одним из ваших клиентов и была убита. И вы покрываете убийцу!

– Я такого не говорил, – ответил я негромко. – Это ваша версия, и вы за нее цепляетесь.

Мифлин чуть дернулся, как человек в агонии, но Брендон оглянулся на него, и от взгляда шефа лейтенант снова впал в мертвую неподвижность.

– Кто эта блондинка? – продолжал допрашивать капитан. – Ее видели в квартире Даны Льюис прошлой ночью. Кто она?

– Откуда мне знать?

– Она богата, Маллой. На ней было дорогое бриллиантовое ожерелье. Я хочу знать, кто она и что ее связывает с этой Льюис. Лучше расскажите.

– Говорю же: не знаю, – достойно сопротивлялся я.

– А я думаю, что эта женщина – ваш клиент и вы ее покрываете.

– У нас свободная страна. Каждый думает, что хочет.

Он прикусил свою сигару, а потом заговорил потише:

– Послушайте, Маллой. Давайте договоримся. Не знаю, сколько вам принесет это дело, но вряд ли очень много. Такой парень, как вы, всегда найдет работу получше. Почему бы вам не поступить разумно? Скажите, кто ваш клиент, и к вам не будет претензий. Я знаю, что вы даете гарантии клиентам. Имидж фирмы и все такое, я понимаю. В большинстве случаев это проходит. Но не тогда, когда этим покрывается убийство. Да, не сдержите слово – придется закрыться. Ну и что? Это же лучше, чем сесть по обвинению в пособничестве! Все, хватит, расскажите, кто эта женщина, и мы вас отпустим.

– Вы что, думаете, я знаком со всеми женщинами, которые носят бриллиантовые ожерелья? – спросил я. – Понятия не имею, кто она. Очень жаль, капитан, но вы выбрали неправильную версию.

Брендон положил сигару. Лицо его потемнело, глаза налились гневом.

– Это ваше последнее слово?

– Надо думать, что да, – ответил я, вставая. – Если бы я мог вам помочь, то помог бы. Но я не могу. И мне пора бежать, если, конечно, у вас больше нет ко мне вопросов.

– Ты думаешь, ты умнее всех, да?! – рявкнул он. – Хорошо, поглядим. Но с этого момента берегись. В следующий раз, когда ты сюда попадешь, так же легко не отделаешься. Придется

поговорить с моими ребятами. И у нас есть куча средств, чтобы заставить таких типов быть поговорчивее.

– Конечно, конечно, – кивал я, продвигаясь к двери. – И есть еще куча средств снять капитана полиции с должности, Брендон. Ты про это тоже не забывай!

Капитану, похоже, стало худо. Лицо налилось краской, глаза чуть не вылезли из орбит.

– Одна твоя ошибка, Маллой, и ты за решеткой! – крикнул он сдавленным голосом. – Одна ошибка!

– О'кей, а ты пока полируй свой значок!

И я вышел, хлопнув дверью.

Глава третья

1

Спортзал Олафа Крюгера занимает подвал офисного здания на Принсес-стрит, в восточной части Оркид-Сити. Туда надо спускаться по ветхой, узкой и плохо освещенной лестнице, пока не доберешься до фанерной вывески: «Академия бокса Олафа Крюгера».

Внутри пахло потом и резиной и раздавались ритмичные звуки – боксеры в кожаных перчатках колотили по грушам, шаркали ногами по матам и хэкали, как у них принято. Все это я почуял и услышал, как только толкнул створку двери.

За ней находится большой зал для бокса с приспособлениями на любой вкус: десятки легких и тяжелых груш, два освещенных мощными лампами ринга и все прочее, что нужно профессионалам.

В зале было душно, все пропахло потом и табаком. Толпа мужчин окружала ринг, на котором чернокожий боксер выколачивал пыль из спарринг-партнера, работавшего тут, у Олафа, с незапамятных времен. Другие боксеры тренировались по углам: кто пинал грушу, кто прыгал через скакалку, кто бился с воображаемым соперником. Все они готовились к боям, которые Олаф устраивал по выходным в Атлетик-клубе.

Я направился через зал в кабинет Олафа, но по дороге кто-то из толпы поймал меня за рукав:

– Здорово, Вик!

Это был Хьюсон, спортивный журналист из «Геральд», долговязый, тощий, уже начинающий лысеть циник. Под глазами мешки, пиджак спереди испачкан сигарным пеплом. Засаленная шляпа сдвинута на затылок, во рту – замусоленная потухшая сигара.

– Привет, – отозвался я.

– Ты погляди, погляди, Вик, – заговорил он, показывая на ринг. – Этот черный сейчас уложит Хантера. Надо на него поставить, пока его не знают!

Тут он усмотрел синяки у меня на шее. Хьюсона это так заинтересовало, что он даже вытащил изо рта сигару и с ее помощью показал на синяки.

– А кто это тебя отделал?

– Послушай, дружище, займись лучше своим черным, а меня оставь в покое, – сказал я. – Олаф на месте?

– В кабинете, – ответил Хьюсон, продолжая пялиться на меня. – А что, Вик, об убийстве ничего нового нет? Слушай, я готов поспорить, что это дело рук слюнявого гаденыша Лидбеттера. Он там в дюнах вечно шарится, как тварь. Подсматривает за парочками. – На желтой физиономии Хьюсона промелькнуло что-то вроде улыбки. – Он один раз и за мной шпионил. Ну и напугался я тогда! Подумал, что это муж моей телки.

– Убить мог кто угодно, – ответил я с нетерпением. – Расследованием занимается Брендон, вот его и спроси.

– Да погоди ты! – Он снова удержал меня за рукав. – Вот мы заговорили об уголовщине, и я сразу вспомнил: тут есть одна куколка, тебе надо с ней поговорить. У нее такие ножки, что закачаешься. Я пытался узнать, кто она такая, но никто не знает или не хочет говорить.

Я посмотрел туда, куда он указывал. С противоположной стороны ринга, где стояла пара деревянных скамеек, сидела девушка. Первое, что в ней привлекло мое внимание, – это копна огненно-рыжих волос. У девушки было тонкое лицо с высокими скулами, чуть раскосые глаза и густые ресницы. Вообще внешность у девушки была скорее восточная, мне сразу подумалось

об интригах, секретных документах и ночных поездках на Будапешт. На ней была зеленая замшевая курточка на молнии, черные брюки с завышенной талией и ботинки фирмы «Bata». Она внимательно, но придирчиво наблюдала за тем, как чернокожий порхает по рингу. Каждый раз, когда он проводил боковой удар, она поджимала губы и придвигалась чуть ближе к рингу, словно боялась что-нибудь пропустить.

– Да, куколка что надо, – подтвердил я, потому что так оно и было. – Почему бы и не поговорить?

– Попробуй! Проще вскрыть себе вены, – хмыкнул Хьюсон. – Хэнк пытался к ней подкатиться, но она послала его подальше. Девка не простая. Я думаю, у нее есть защитники, раз она не боится тусоваться в таком месте.

Кто-то окликнул Хьюсона, и он, подмигнув мне, скрылся в толпе. Я еще раз внимательно посмотрел на рыжеволосую красотку и направился в кабинет Олафа Крюгера.

Это была обшарпанная комнатка, на стенах – глянцевые плакаты с портретами чемпионов и старые постеры с рекламой боев, которые Олаф организовал за время своего пребывания в Оушен-сити. А это были сотни поединков.

Сам старик Крюгер восседал за большим столом, где в беспорядке валялись бумаги и стояло не меньше десятка телефонов, – они, кстати, никогда не звонили поодиночке. У другого стола, поменьше, примостилась крашеная блондинка, которая молотила по пишущей машинке, жевала резинку и наполняла кабинет запахом сногшибательного парфюма – ну никак не меньше десяти центов за галлон.

– Есть минутка? – спросил я Олафа, закрывая дверь.

Он был небольшого роста – не больше жокея, совершенно лысый и, если требовалось, довольно смысленый. Олаф сидел без пиджака, так что было видно тонкую золотую цепочку у него на жилете. Ворот расстегнут, галстук свободно болтается.

Олаф указал мне на стул.

– Как дела, Вик? Нет, я не занят. В этой дыре вообще ничего не происходит. Времени куча.

Словно в ответ на эти слова принялись звонить сразу три телефона – видимо, уличая его во лжи. Одновременно распахнулась дверь и ввалились двое парней: они орали про халаты, которые были им нужны для следующего боя. Ребята были здоровые, крутые и уродливые, настоящие носороги. Однако Олаф выставил их так легко, как отмахнулся бы от мухи:

– А ну пошли на хрен отсюда!

И те сразу исчезли.

Тогда Олаф снял трубки двух телефонов, рявкнул, что занят, и снова положил. Взял третью, послушал пару секунд, буркнул: «Разорви с ним контракт и выстави его!» – и бросил ее тоже.

– Хочешь сигару, Вик? – продолжил он разговор, придвигая мне коробку. – Ну, что тебя гложет? Про убийство я слышал. Девчонку не знал, но если тебе ее жалко, то мне тоже.

– Она была хорошая, Олаф, – ответил я, отодвигая коробку. – Но я не затем пришел. Ты знаешь парня по фамилии Миллз?

Он провел рукой по лысине – на руке не хватало большого пальца. Потом взглянул на блондинку в углу и поморщился.

– С такой фамилией тут пруд пруди. Как зовут-то?

– Вот этого я не знаю. Красавчик, лет двадцати трех, хорошо владеет кулаками. Двигается молниеносно и держится как профи. Но шрамов нет.

Олаф выпрямился:

– А, ну знаю, конечно. Это Цезарь Миллз. Да, это он. Если бы он оставил своих баб, стал бы чемпионом мира в первом тяжелом весе. До него никто даже дотронуться перчаткой не мог. Да, он тут начинал. Я тогда подумал: ну вот наконец настоящий чемпион. Но придурок

не хотел правильно работать. Выиграл три боя подряд, а потом, когда я начал ставить его с настоящими бойцами, сошел с дистанции. Ушел примерно полгода назад.

– В общем, мы с ним не ладили, – сказал я и повернулся так, чтобы Олаф рассмотрел синяк у меня на шее. – Это он уже ногой.

У Олафа глаза на лоб полезли.

– Вот скотина! Но ты лучше забудь про него, Вик. Это не подарок. И не надейся его уделать. Даже теперь он должен быть еще о-ого-го. Ни на кого против него не поставлю. Разве что на самого крутого тяжеловеса, да и то не факт, что получу денежки. А как ты на него напоролся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.